

*Вне тематики номера
Outside of the theme rooms*

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ
LEGAL PSYCHOLOGY AND PSYCHOLOGY OF SAFETY

Обзорная статья | Review paper

**Установки по отношению к домашнему насилию: категории отношения,
измерения, предикторы и последствия**

О.А. Ананьева¹ ✉

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

✉ ooananyeva@hse.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Домашнее насилие (ДН) является глобальной проблемой, усугубляющейся во время социальных кризисов и международных конфликтов, особенно в странах, в которых отсутствует законодательная защита от ДН, в число которых входит Россия. Опросы общественного мнения демонстрируют, что наши соотечественники соглашались с тем, что ДН является серьезной проблемой, однако расходятся во мнении относительно того, необходимо ли для российского общества принятие закона о профилактике ДН. Низкая готовность поддерживать законодательные инициативы по защите населения от ДН может быть связана с установками по отношению к ДН. **Цель.** Проанализировать и обобщить результаты современных зарубежных исследований, посвященных вопросам измерения, предикторам и последствиям выраженности установок по отношению к ДН. **Исследовательский вопрос.** Какие категории отношения к проблеме ДН, предикторы и последствия установок по отношению к ДН выделяются в современном поле исследований? **Методы и материалы.** Теоретический анализ литературы зарубежных публикаций в базах данных Web of Science, Scopus, PsycINFO за последние 5 лет. **Результаты.** Категории отношения к ДН включают *легитимизацию, оценку приемлемости, отношение к вмешательству и восприятие серьезности*. Кратко представлены предикторы и последствия выраженности установок по отношению к ДН. **Выводы.** Обобщение и классификация разных категорий отношения к ДН необходимы для изучения психологических механизмов, препятствующих позитивным изменениям в сфере борьбы с домашним насилием.

Ключевые слова: насилие, домашнее насилие, установки, измерения, предикторы, последствия

Финансирование. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Для цитирования: Ананьева, О.А. (2025) Установки по отношению к домашнему насилию: категории отношения, измерения, предикторы и последствия. *Современная зарубежная психология*, 14(4), 77—86. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2025140408>

Attitudes towards domestic violence: categories, measurements, predictors and consequences

О.А. Ananyeva¹ ✉

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

✉ ooananyeva@hse.ru

Abstract

Context and relevance. Domestic violence (DV) is a global problem that worsens during social crises and international conflicts, especially in countries that lack legislative protection against DV, including Russia. Public

opinion polls show that Russians agree that DV is a serious problem, but disagree on whether Russian society needs to adopt a law on DV prevention. Low willingness to support legislative initiatives to protect the population from DV may be associated with attitudes towards DV. **Objective.** To analyze and summarize results of modern foreign research on measurements, predictors and consequences of attitudes towards DV. **Research question.** What categories of attitudes towards the problem of DV, predictors and consequences of attitudes towards DV are distinguished in the modern research field? **Methods and materials.** Theoretical analysis of foreign publications in the Web of Science, Scopus, PsycINFO databases over the past 5 years. **Results.** Categories of attitudes towards DV include legitimization, acceptability, attitudes towards intervention, and perceived severity. The predictors and consequences of attitudes towards DV are presented. **Conclusions.** Classification of different attitudes' categories is necessary for studying psychological mechanisms hindering or facilitating positive change in the fight against domestic violence.

Keywords: violence, domestic violence, attitudes, measurements, predictors, consequences

Funding. The study was implemented in the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

For citation: Ananyeva, O.A. (2025) Attitudes towards domestic violence: categories, measurements, predictors and consequences. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 14(4), 77–86. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/jmfp.2025140408>

Введение

Домашнее, семейно-бытовое, партнерское насилие, или насилие в отношении женщин и детей, является глобальной гендерной проблемой. Данные международных организаций по борьбе с насилием в отношении женщин демонстрируют, что каждый год более 245 миллионов женщин и девочек старше 15 лет страдают от физического и/или сексуализированного насилия со стороны партнеров или членов семьи (UN Women, 2023); в 2022 году по всему миру больше 133 женщин и девочек погибли от рук членов своих семей ежедневно (UNODC, 2023). Проблема насилия в некоторых странах, включая Россию, обостряется за счет того, что защита от домашнего насилия не регламентируется в законодательстве конкретных государств (UN Women, 2023). Более того, исследования демонстрируют, что проблемы насилия в отношении женщин и жестокого обращения с детьми ухудшаются во время обострения международных конфликтов с возвращением людей с боевых действий (Cesur, Sabia, 2016).

В России в 2017 г. было декриминализовано физическое насилие внутри семьи (побои), вызвав широкий общественный резонанс и дискуссию о необходимости усовершенствовать законодательную защиту от насилия в семье (Semukhina, 2020). Результаты социологических опросов демонстрируют, что россияне в целом считают домашнее насилие серьезной проблемой, с которой сталкивается наше общество; при этом опрошенные соотечественники расходятся во мнениях о том, необходимо ли для российского общества принятие закона о профилактике семейно-бытового насилия (ВЦИОМ, 2019). Отсутствие социальных и законодательных изменений может быть связано со сложившимися в обществе установками по отношению к проблеме домаш-

него насилия (Казун и др., 2022; Gracia, Lila, Santirso, 2020; Villagrñ et al., 2024).

Исследовательское поле изучения проблемы домашнего, гендерного насилия, или насилия со стороны интимного партнера, жестокого обращения с детьми, а также сексуализированного насилия весьма обширно. Исследовательские кластеры включают: 1) исследования распространенности гендерного насилия, а также отчеты о межстрановых эпидемиологических различиях и методологии расчета социальных индикаторов гендерного неравенства и развития отчетности по теме гендерного насилия (UNODC, 2023; UN Women, 2023); 2) факторы риска и последствия для здоровья (Fernandez et al., 2021; Grose et al., 2021); 3) исследования, касающиеся установок в отношении насилия (Agadullina et al., 2022; Gracia, Lila, Santirso, 2020; Villagrñ et al., 2024), в том числе и кросс-культурные сравнения (Serrano-Montilla et al., 2020); 4) исследования эффективности программ, нацеленных на работу с агрессорами (Satyen et al., 2022) и помощь пострадавшим (Gram et al., 2020; Pagliaro et al., 2021); 5) анализ правовых практик судопроизводства и регулирования различных форм домашнего насилия (Golovko et al., 2023). Несмотря на изобилие зарубежных исследовательских направлений, сфокусированных на проблеме гендерного насилия, фокусом данной работы являются именно социальные установки, так как они играют ключевую роль в распространенности насилия (Gracia, Lila, Santirso, 2020), в действиях пострадавших и их реакции на виктимизацию (Villagrñ et al., 2024), а также в реакции сообщества и формальных институтов, например в виде законодательной защиты и социальных программ помощи пострадавшим (Htun, Jensenius, 2022; Webster et al., 2021).

Цель данного обзора — представить и обобщить результаты современного зарубежного поля психоло-

гических исследований, касающихся установок по отношению к домашнему насилию¹. Структура обзора выстроена следующим образом: представлено определение установок по отношению к домашнему насилию (ДН), описаны группы инструментов по измерению разных категорий отношения к насилию, кратко обобщены результаты исследований предикторов и последствий выраженности установок по отношению к ДН.

Категории отношения к насилию и измерение установок по отношению к насилию

Согласно современному подходу к изучению установок, аттитуд, или установка, — это оценка конкретных объектов, людей, явлений, событий или поведения, которая может охватывать когнитивные (представления, верования и суждения), аффективные (эмоциональные реакции) и поведенческие (намерения и поведенческие реакции) компоненты отношения к объекту установки (Perry et al., 2022). Установки по отношению к домашнему насилию могут рассматриваться как собирательный термин, охватывающий разные аспекты отношения к проблеме насилия, конкретным формам и причинам насилия, а также участникам ситуации насилия (пострадавшим и людям, совершающим насилие) (Gracia, Lila, Santirso, 2020). Прямолинейные измерения отношения к насилию могут быть подвержены эффектам социальной желательности² (Bareket, Fiske, 2023). Поэтому для измерения установок исследователи прибегают к использованию методик, включающих различные суждения, верования, объяснения, описание ситуаций, связанных с насилием, и просят респондентов оценить степень согласия с представленными суждениями. Э. Грасия и соавторы (2020), проанализировав 62 эмпирических исследования установок по отношению к ДН, выделили четыре крупные категории измерения установок по отношению к партнерскому насилию: *легитимизация* (legitimation), *оценка приемлемости* (acceptability), *отношение к вмешательству* (attitudes towards intervention), *восприятие серьезности* (perceived severity) (Gracia, Lila, Santirso, 2020).

Легитимизация соотносится с тенденциями к обвинению и перекладыванию ответственности на пострадавших, оправданию и рационализации насилия (Gracia, Lila, Santirso, 2020). Инструменты измерения установок по отношению к насилию, которые включаются в категорию легитимизации, могут представлять вопросы о возможности оправдать различные поведенческие акты и методики по оценке выраженности отдельных категорий мифов о насилие (Bonilla-Algovia,

Pana, Carrasco Carpio, 2024; Brunton, Shin, 2024; Galdo-Castiñeiras et al., 2023; Murvartian, Saavedra-Macías, García-Jiménez, 2025). Мифы о домашнем насилие — это распространенные верования и зачастую ошибочные суждения о насилие, пострадавших и агрессорах, которые предоставляют простые объяснения насилия (Bonilla-Algovia, Pana, Carrasco Carpio, 2024; Brunton, Shin, 2024). Мифы о насилие могут включать категории суждений, которые перекладывают ответственность на пострадавших, оправдывают агрессоров, рационализируют насилие как инструмент разрешения конфликтов внутри семьи, представляют насилие как экстраординарное событие, которое случается только в неблагополучных семьях (Bonilla-Algovia, Pana, Carrasco Carpio, 2024; Brunton, Shin, 2024). Помимо перечисленных категорий, мифы могут включать суждения о социокультурных причинах насилия, а также социальных и правовых последствиях насилия, которые снимают ответственность с участников, а также отражают негативное отношение к пострадавшим (Murvartian, Saavedra-Macías, García-Jiménez, 2025). Примеры инструментов по оценке легитимизирующих насилие установок представлены в таблице.

Оценка приемлемости соотносится с одобрением, терпимостью и восприятием допустимости различных поведенческих актов (Gracia, Lila, Santirso, 2020). Инструменты для измерения установок по отношению к насилию, которые включаются в категорию оценки приемлемости, могут включать вопросы о допустимости различных действий по отношению к партнерам, приемлемости применения насилия по отношению к партнерше, если она ведет себя определенным образом, а также категории мифов о насилие, которые объясняют допустимость насилия (Cinquegrana, Marini, Galdi, 2023; Martín-Fernández, Gracia, Lila, 2022a; Sheng, Youde, Bryan, 2023). Содержательный анализ методик по измерению установок в отношении домашнего насилия позволяет отметить, что мифы о насилие входят как в группу легитимизации, так и в группу оценки приемлемости насилия. Важно уточнить, что отдельные категории мифов могут выступать в качестве разных маркеров отношения к насилию: в то время как легитимизация может выступать в качестве механизма оправдания и рационализации насилия, оценка приемлемости охватывает восприятие допустимости различных поведенческих актов (Gracia, Lila, Santirso, 2020).

Отношение к вмешательству соотносится с готовностью к действиям по помощи пострадавшим, отношением к регулированию проблемы насилия и реакциями при наблюдении за ситуациями насилия (Gracia, Lila, Santirso, 2020). Инструменты для измерения уста-

¹ Следует уточнить, что в данной работе будет рассматриваться преимущественно насилие в отношении женщин. Обобщение результатов исследований, касающихся установок по отношению к ДН в отношении детей, старших членов семьи и мужчин, лежит за пределами текущих целей обзора. Также необходимо отметить, что данный обзор фокусируется на инструментах измерения *эксплицитных* установок, включающих методы самоотчетов (paper-and-pencil instruments).

² Если задавать людям прямолинейные вопросы, например: «Как вы относитесь к насилию?», — большинство выскажут негативное отношение.

новок по отношению к насилию, которые включаются в категорию отношения к вмешательству, могут включать методики оценки готовности реагировать тем или иным образом в случае наблюдения за насильственными действиями (оказывать помощь, обращаться в полицию, предоставлять эмоциональную поддержку, направлять пострадавших в сервисы помощи и др.) и участвовать в коллективных действиях по борьбе с проблемой ДН (Gracia, Lila, Santirso, 2020; Martín-Fernández, Gracia, Lila, 2022b, Pagliaro et al., 2021).

Восприятие серьезности соотносится с оценкой тяжести и серьезности различных сценариев, включающих насилие, а также распознаванием различных поведенческих актов как форм насилия (Gracia, Lila, Santirso, 2020). Инструменты для измерения установок по отношению к насилию, которые включаются в категорию восприятия серьезности, обычно включают описание различных сценариев семейных конфликтов с вопросами о том, насколько жестокими являлись действия участников ситуации, насколько серьезными нарушениями являются описанные действия, можно ли клас-

сифицировать перечисленные действия в качестве насилия (Gracia, Lila, Santirso, 2020; Martín-Fernández, Gracia, Lila, 2022b). Помимо перечисленных способов, инструменты измерения серьезности насилия могут включать субшкалы методик, измеряющих выраженность установок по отношению к насилию, которые минимизируют его серьезность (Cinquegrana, Marini, Galdi, 2023; Gracia, Lila, Santirso, 2020).

Инструменты измерения установок по отношению к насилию могут фокусироваться на конкретной форме насилия (Cinquegrana, Marini, Galdi, 2023), включать вопросы об отношении к насилию вообще (Bonilla-Algovia, Pana, Carrasco Carpio, 2024) или представлять комбинированные шкалы (Martín-Fernández, Gracia, Lila, 2022b).

Изучение установок по отношению к домашнему насилию не ограничивается созданием и адаптацией инструментов, измеряющих разные аспекты отношения к насилию. Исследователи также фокусируются на изучении предикторов и последствий выраженности установок по отношению к домашнему насилию, речь о которых пойдет в следующих разделах данной статьи.

Таблица / Table

Категории отношения и инструменты измерения установок по отношению к насилию
Categories and measures assessing attitudes towards violence

Группа установок / Category of attitudes	Подкатегории отношения / Attitude-related focus	Примеры утверждений / Examples of items	Инструменты и источники / Measures and sources
Легитимизация / Legitimation	Оправдание / Justification	«Насколько могут быть оправданы оскорбления или ругательства по отношению к партнеру/партнерше?» / How justified are each of these things: Insulting or swearing at boyfriend/girlfriend?	• Justification of Verbal/Coercive Tactics Scale, JVCT; Galdo-Castieiras et al. (2023)
	Обвинение и перенос ответственности на пострадавших / Victim blaming	«Пострадавшие женщины ответственны за совершенное над ними насилие, так как они сами провоцируют его» / Some women suffer gender-based violence because they provoke men «Женщины получают слишком много преимуществ, заявляя, что подвергаются насилию» / Women obtain too many social benefits by claiming that they are abused	• Gender-Based Violence Stereotypical Beliefs Scale, GBVSBS; Bonilla-Algovia, Pana, Carrasco Carpio (2024) • Acceptance of Myths About Intimate Partner Violence Against Women, AMIVAW; Murvartian, Saavedra-Macías, García-Jiménez, (2025)
	Рационализация (мифы) / Legitimation/Myths	«Иногда насилие помогает разрешать конфликты между партнерами» / Sometimes abuse of the woman helps resolve conflicts between partners	• Inventory of Beliefs about Intimate Partner Violence, IBIPV, Brunton, Shin (2024)
	Оправдание агрессоров (мифы) / Exoneration of perpetrators	«Насилие в семье возникает в результате кратковременной потери мужчинами самообладания» / Domestic violence results from a momentary loss of temper «Проблемы, связанные с работой, являются причиной насилия над женщинами со стороны мужчин» / Work-related problems lie at the heart of cases of women abused by men	• Domestic Violence Myth Acceptance Scale, DVMAS; Cinquegrana, Marini, Galdi (2023) • Acceptance of Myths About Intimate Partner Violence Against Women, AMIVAW; Murvartian, Saavedra-Macías, García-Jiménez, (2025)
	Оценка ответственности агрессоров / Abusers' responsibility for violence	«Агрессоры ответственны за совершенное насилие, так как они намерены ограничить свободу своих партнеров» (Abusers are responsible for the abuse, because their intention is to restrict their partner's freedom)	• Inventory of Beliefs about Intimate Partner Violence, IBIPV, Brunton, Shin (2024)

Группа установок / Category of attitudes	Подкатегории отношения / Attitude-related focus	Примеры утверждений / Examples of items	Инструменты и источники / Measures and sources
Оценка приемлемости / Acceptability	Восприятие допустимости / Acceptability / Acceptance / Permissive attitudes	«Для мужчины допустимо ударить партнершу, если она была не верна» (I think it is acceptable for a man to hit his partner if she has been unfaithful)	• Acceptability of intimate partner violence against women, A-IPVAW; Martín-Fernández, Gracia, Lila (2022a)
	Терпимость (мифы) / Tolerance / Myths	«Если женщину что-то не устраивает, она может уйти от партнера» / If a woman doesn't like it, she can leave	• Domestic Violence Myth Acceptance Scale, DVMAS; Cinquegrana, Marini, Galdi (2023)
	Одобрение / Approval	«Представьте, что женщина действительно опозорила своего мужа. Как вы думаете, правильно ли, что он ударил ее?» / Suppose a woman really embarrasses her husband, do you think it is wrong for HIM to hit HER?	• Adolescents' attitude towards IPV; Sheng, Youde, Bryan (2023)
Отношение к вмешательству / Attitudes toward intervention	Готовность к вмешательству / Willingness to intervene	«Если я узнаю, что моя соседка подверглась избиениям со стороны партнера, я посоветую ей обратиться в полицию» / If I found out that a woman neighbor of mine had been beaten by her husband, I would advise her to report it «Если я узнаю, что моя соседка была избита партнером, который подозревал ее в неверности, я предложу помощь и поддержку пострадавшей» / <Scenario description> I would be willing to help the victim by providing her with some form of help	• Willingness to intervene in cases of IPVAW, WI-IPVAW; Martín-Fernández, Gracia, Lila (2022b) • Willingness to report the IPV episode and support the victim; Pagliaro et al. (2021)
	Отношение к вмешательству среди представителей полиции / Police Involvement	«Если я стану свидетелем следующих ситуаций (женщина постоянно подвергается угрозам и унижению со стороны своего партнера, который иногда избивает ее), я применю правоохранительные меры, независимо от того, хочет ли этого пострадавшая» / A woman is continuously threatened and verbally abused by her partner, who sometimes pushes or even beats her up. I would apply law enforcement actions regardless of the victim's wishes	• Level of police involvement in cases of IPVAW, Gracia, Lila, Santirso (2020)
	Готовность к коллективным действиям / Propensity to intervene / Participation in collective action	«Всякий раз, когда я слышу о проблеме домашнего насилия, я ощущаю сильное желание что-то сделать, чтобы бороться с домашним насилием» / Whenever I hear about IPV, I feel a strong desire to do something about it	• Propensity to intervene against IPV; Gracia, Lila, Santirso (2020)
Восприятие серьезности / Perceived severity	Оценка тяжести / Perceived severity	«Оцените степень тяжести следующих сценариев: во время ссоры мужчина бьет свою партнершу, а затем извиняется перед ней» / Indicate how severe these scenarios seem to you: In an argument, a man hits his partner and later apologizes to her	• Perceived severity of IPVAW, PS-IPVAW; Martín-Fernández, Gracia, Lila (2022b)
	Оценка серьезности / Perceived seriousness	«Насколько серьезными вам кажутся следующие сценарии: партнер часто избивает женщину, иногда нанося небольшие травмы и синяки?» / Indicate how serious these scenarios seem to you: A woman is frequently beaten by her partner, sometimes causing small injuries and bruises?	• Perceived seriousness of IPV behaviours; Gracia, Lila, Santirso (2020)
	Минимизация / Minimization	«Это всегда считается уголовным преступлением, если мужчина бьет женщину» (обратный пункт) / It is always a criminal offense for a man to hit a woman	• Inventory of Distorted Thoughts about Women and the Use of Violence, IPDMUV; Gracia, Lila, Santirso (2020)
	Распознавание насилия / Perception as abuse / Recognition	«Можно ли считать насилием принуждение к сексуальной активности?» / Rate the extent to which the following actions can be considered as abusive behavior: insist on having sex when she does not want to	• Perception of IPV as abuse; Gracia, Lila, Santirso (2020)

Предикторы выраженности установок, оправдывающих домашнее насилие

Установки, оправдывающие и нормализующие домашнее насилие, являются одним из ключевых факторов распространенности насильственных преступлений внутри семьи (Villagrán et al., 2024). Исследования факторов, связанных с выраженностью установок по отношению к насилию против женщин, фокусируются на роли индивидуальных, социокультурных и системных характеристик (Flood, Pease, 2009). М. Флад и Б. Пиз выделяют ряд факторов, связанных с выраженностью установок по отношению к ДН и оперирующих на уровне индивида, локальных сообществ и общества в целом (Flood, Pease, 2009).

На индивидуальном уровне гендер может рассматриваться в качестве первичного предиктора установок, оправдывающих насилие в отношении женщин. Мужчины по сравнению с женщинами в большей степени склонны поддерживать мифы и верования, одобряющие применение насилия в отношении женщин, воспринимать более узкий спектр поведенческих паттернов в качестве насилия, перекладывать ответственность и демонстрировать меньшую эмпатию по отношению к пострадавшим, минимизировать ущерб и серьезность насильственных действий (Flood, Pease, 2009). Следует отметить, что зачастую не пол как таковой, а именно отношение к распределению гендерных ролей связано с оправданием насилия в отношении женщин (Webster et al., 2021). Более ригидное восприятие гендерных ролей и предпочтение неравного распределения власти (т. е. в доминировании мужчин в принятии решений) являются значимыми предикторами выраженности установок, оправдывающих насилие в отношении женщин (Webster et al., 2021). Обращаясь к роли других индивидуальных факторов в оправдании насилия, исследователи также рассматривают опыт переживания или наблюдения за насилием (Cinquegrana, Marini, Galdi, 2023; Flood, Pease, 2009), идеологические установки, легитимизирующие социальное и гендерное неравенство, такие как ориентация на социальное доминирование, правый авторитаризм, консерватизм, вера в справедливый мир, принятие существующей системы отношений в гендерной сфере и гендерный эссенциализм (Antmen, 2023). Исследования показывают, что оправдание домашнего насилия значимо выше среди людей, которые: 1) отдают предпочтение строгой социальной иерархии, в которой одни группы людей (например, мужчины) могут доминировать над другими (женщинами); 2) поддерживают традиционный социальный порядок, строго определяющий социальные роли, закрепленные за мужчинами и женщинами, и негативно относятся к любым акторам, нарушающим традиционные нормы; 3) верят в то, что мир устроен таким образом, что люди в нем получают то, что заслуживают, и заслуживают то, что с ними происходит; 4) воспринимают существующую систему отношений между мужчинами

и женщинами как справедливую, стабильную и легитимную; 5) считают, что мужчин и женщин определяют биологически заданные различия, которые объясняют их разное социальное положение в системе гендерных отношений (Agadullina et al., 2022; Antmen, 2023; Bareket, Fiske, 2023).

Важную роль в исследованиях предикторов оправдания гендерного насилия в последние десятилетия играют предубеждения в отношении женщин. Согласно подходу, предложенному П. Гликом и С. Фиск, сосуществование гендерных различий в обладании властью и взаимозависимости между мужчинами и женщинами служит поддержкой комплементарных идеологических оснований в виде амбивалентного сексизма (Bareket, Fiske, 2023). Амбивалентные предубеждения по отношению к женщинам могут охватывать враждебные установки по отношению к тем женщинам, которые воспринимаются в качестве нарушителей традиционных гендерных норм, и доброжелательные установки по отношению к тем, кто данным нормам соответствует (Bareket, Fiske, 2023). Согласно данному подходу, люди, которые высоко оцениваются по шкале враждебного сексизма, склонны негативно относиться к женщинам и верить в то, что последние стремятся «отобрать» власть и привилегии мужчин, в то время как те, кто высоко оцениваются по шкале доброжелательного сексизма, склонны придерживаться положительного, но патерналистского взгляда на женщин и рассматривать их как пассивных и нуждающихся в защите (Bareket, Fiske, 2023). Результаты недавнего мета-анализа, проведенного Е.Р. Агадуллиной и коллегами (2022), продемонстрировали, что не только враждебный, но и доброжелательный сексизм предсказывают установки, оправдывающие насилие в отношении женщин (Agadullina et al., 2022). Причем в то время, как враждебный сексизм связан с мотивацией сохранить высокий статус мужчин в социальной иерархии, доброжелательный сексизм связан со стремлением к поддержанию традиционного распределения гендерных ролей (Bareket, Fiske, 2023).

На институциональном уровне важными факторами выступают законодательство по защите от домашнего насилия и наличие инфраструктуры сервисов помощи пострадавшим (Htun, Jensenius, 2022). На основе исследования временных трендов распространенности домашнего насилия и установок по отношению к насилию внутри семьи М. Хтун и Ф. Йенсениус обнаружили, что с введением законодательства по защите от домашнего насилия отмечается значимое снижение случаев домашнего насилия, изменение установок в отношении приемлемости насилия внутри семьи, а также изменение социальных норм взаимодействия партнеров (Htun, Jensenius, 2022).

На социальном и культурном уровнях в качестве предикторов оправдания гендерного насилия рассматриваются уровень гендерного неравенства в обществе (Serrano-Montilla et al., 2020), патриархальный уклад и отношение к гендерным ролям, закрепленное в куль-

туре (Bareket, Fiske, 2023), дискурс в средствах массовой информации (Flood, Pease, 2009, Казун и др., 2022) и социальные движения (Levy, Mattsson, 2023). Исследования демонстрируют, что уровень гендерного неравенства в стране (измеряемый при помощи агрегированных показателей репродуктивного здоровья населения, индикаторов образованности женской и мужской долей населения, участия женщин на рынке труда и их представленности на политических постах) связан с большим оправданием домашнего насилия (Serrano-Montilla et al., 2020). Исследователи также отмечают, что насилие в отношении женщин может служить инструментом закрепления идеологий, поддерживающих патриархальный уклад, культурно закрепляющий верховенство мужчин в принятии решений (Bareket, Fiske, 2023), при этом средства массовой информации и активные социальные движения могут выступать в качестве системы рычагов, способствующих или противодействующих установлению социального консенсуса в отношении оценки допустимости и оправдания насилия (Levy, Mattsson, 2023; Казун и др., 2022).

Последствия выраженности установок, оправдывающих домашнее насилие

Исследовательское поле по изучению последствий выраженности установок по отношению к домашнему насилию фокусируется на нескольких направлениях. Данные установки рассматриваются в качестве предикторов распространенности насилия (Villagrán et al., 2024), поведения, связанного с оказанием немедленной помощи пострадавшим при наблюдении за ситуацией насилия (Pagliaro et al., 2021), готовности к коллективным действиям по борьбе с проблемой домашнего насилия (Gram et al., 2020). Наконец, роль данных установок исследуется в контексте успешности социальных программ и интервенций, направленных на работу с агрессорами и пострадавшими, а также на изменение социальных норм и установок, ассоциированных с насилием (Addis, Snowdon, 2023; Negessa et al., 2023; Satyen et al., 2022; Vall et al., 2024).

Установки как предикторы распространенности насилия. Эмпирические исследования демонстрируют, что установки, связанные с оправданием насилия, значимо связаны с распространенностью насилия (Gracia, Lila, Santirso, 2020; Villagrán et al., 2024). В частности, данные установки связаны с повышенным риском применения насилия среди агрессоров и повторной виктимизации — среди пострадавших (Villagrán et al., 2024). Люди, которые считают насилие в отношении партнера допустимым и оправданным, могут прибегать к нему для разрешения семейных конфликтов (Villagrán et al., 2024), а также рассматривать его в качестве поведенческой нормы взаимодействия внутри семьи (Brunton, Shin, 2024). Исследователи обращают внимание на цикличность насилия: люди, которые

подвергались насилию в детстве, могут усваивать установки о приемлемости насилия и с большей вероятностью прибегать к насилию в роли агрессоров (Satyen et al., 2022), а также подвергаться повторной виктимизации (в качестве пострадавших) во взрослых отношениях (Villagrán et al., 2024).

Установки как предикторы помощи пострадавшим и коллективной активности по борьбе с ДН. Отдельный исследовательский кластер сфокусирован на оценке роли установок в отношении ДН в готовности помогать пострадавшим. В частности, перекалывание ответственности за насилие на самих пострадавших подрывает намерения людей помогать и поддерживать тех, кто подвергся насилию (Pagliaro et al., 2021). Среди самих пострадавших установки, оправдывающие насилие, могут выступать в качестве барьера, препятствующего подаче заявлений о преступлении и обращению за помощью (Gracia, Lila, Santirso, 2020; Villagrán et al., 2024). Исследования также демонстрируют, что установки в отношении насилия значимо связаны с готовностью к участию в коллективной активности по борьбе с проблемой ДН (Gram et al., 2020). В частности, Л. Грэм и коллеги (2020) обнаружили, что оправдание, оценка приемлемости и восприятие серьезности проблемы насилия, наряду с воспринимаемой эффективностью и социальными нормами, ассоциированными с борьбой против домашнего насилия, предсказывают участие в общественных мероприятиях, демонстрациях и протестах, посвященных борьбе с домашним насилием (Gram et al., 2020).

Эффективность программ и интервенций по борьбе с ДН. Часть исследований фокусируется на анализе эффективности интервенций по борьбе с ДН. Часть изучаемых программ нацелена на работу с агрессорами и изменение насильственного поведения (Satyen et al., 2022; Vall et al., 2024), часть — на изменение социальных норм (Addis, Snowdon, 2023) и установок (Negessa et al., 2023), ассоциированных с домашним насилием. Исследования, посвященные вопросу эффективности интервенций, демонстрируют, что среди программ, нацеленных на работу с агрессорами, наибольшей эффективностью обладают интервенции, утилизующие комплексный подход и включающие работу с несколькими аспектами (культурные патриархальные нормы, отношение к гендерным ролям, сексизм, отношение к гендерному неравенству в обществе) (Satyen et al., 2022). Исследователи обращают особое внимание на критерии эффективности программ: важность адаптации интервенции под конкретные характеристики аудитории программы, использование контрольных групп для сравнения эффективности интервенций, сбор данных о выбывших из программы участниках, использование нескольких источников информации в отношении показателей рецидивизма, а также измерение ключевых показателей в течение нескольких месяцев после окончания программы (Vall et al., 2024). Эффективность программ, нацеленных на изменение социальных норм, также связана с комплексным и многоуровневым под-

ходом (индивидуальный уровень, уровень внутрисемейного взаимодействия, уровень локального сообщества, национальный уровень) (Addis, Snowden, 2023). Исследования, посвященные вопросу эффективности программ, нацеленных на изменение установок по отношению к домашнему насилию, демонстрируют, что данные установки могут меняться: интервенции, которые соответствуют описанным выше критериям эффективности, приводят к значимым изменениям в выраженности установок по отношению к домашнему насилию (Gracia, Lila, Santirso, 2020). При этом исследователями озвучивается необходимость проведения лонгитудных исследований для оценки устойчивости эффектов данных программ (Villagrán et al., 2024).

Заключение

Целью данной работы являлся обзор современного зарубежного поля психологических исследований, касающихся установок по отношению к домашнему насилию. В данной работе представлено определение установок как собирательного термина, отображающего разные аспекты отношения к проблеме насилия, причинам насилия, а также к участникам ситуации насилия (пострадавшим и людям, совершающим насилие) (Gracia, Lila, Santirso, 2020). Для измерения установок исследователи прибегают к использованию методик, позволяющих оценить выраженность суждений и верований респондентов о потенциальных причинах насилия, характеристиках участников ситуации насилия и допустимости применения насилия в партнерских отношениях. Анализ категорий отношения к насилию позволяет выделить четыре группы установок: легитимизация (оправдание и рационализация насилия, перекладывание ответственности и обвинение пострадавших, оправдание агрессоров), оценка приемлемости (одобрение, терпимость, восприятие допустимости насилия); отношение к вмешательству (готовность реагировать определенным образом при наблюдении за насилием, а также

участвовать в действиях по борьбе с проблемой насилия), восприятие серьезности (оценка тяжести и серьезности, а также распознавание насилия). Кратко обобщены результаты исследований предикторов выраженности данных установок на индивидуальном (пол, отношение к гендерным ролям, опыт виктимизации, легитимизирующие неравенство установки и предубеждения), институциональном (наличие законодательной базы, доступность сервисов помощи), социальном и культурном (уровень гендерного неравенства, патриархальные культурные нормы, дискурс в средствах массовой информации и социальные движения) уровнях. В качестве последствий поддержания установок по отношению к ДН рассматривается распространенность насилия (применение насилия со стороны агрессоров, риск повторной виктимизации пострадавших), а также готовность к оказанию помощи пострадавшим и коллективной активности по борьбе с проблемой насилия. Обобщение и классификация разных категорий отношения к проблеме насилия и участникам ситуации может быть полезной для целей разработки социальных программ и интервенций, нацеленных на борьбу с домашним насилием, работу с агрессорами и пострадавшими. Данное обобщение позволяет уточнить разные категории отношения к насилию и может служить подспорьем для изучения психологических механизмов, препятствующих или способствующих позитивным изменениям в сфере борьбы с проблемой ДН. Траектории дальнейших исследований по проблематике данной статьи могут охватывать адаптацию и валидизацию приведенных в статье инструментов, а также исследование предикторов и последствий выраженности представленных установок в российском контексте на индивидуальном, межличностном, межгрупповом и системном уровнях анализа. Изучение установок по отношению к ДН может помочь в предоставлении рекомендаций для разработчиков социальных программ и кампаний, направленных на помощь пострадавшим, информирование общества и развитие социального дискурса по проблеме домашнего и гендерного насилия.

Список источников / References

1. ВЦИОМ. (2019). *Худой мир — или добрая ссора? Тема «домашнего насилия» весьма активно обсуждается в российском обществе и вызывает сильные эмоции у респондентов*. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/khudoj-mir-ili-dobraya-ssora> (дата обращения: 10.11.2025).
VCIOM. (2019). *A bad peace—or a good fight? The topic of “domestic war” is being actively discussed in Russian society and evokes strong emotions among respondents*. (In Russ.). URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/khudoj-mir-ili-dobraya-ssora> (viewed: 10.11.2025).
2. Казун, А.П., Карпушкина, А.А., Курихина, Д.В., Савунова, М.С. (2022). Бьет — значит любит? Стратегии депроблематизации домашнего насилия в российских СМИ. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, 5(171), 149—171. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.5.2220>
Kazun, A.P., Karpushkina, A.A., Kurikhina, D.V., Savunova M.S. (2022). «If he beats you, it means he loves you?» Strategies for deproblematizing domestic violence in the Russian media. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 5(171), 149—171. (In Russ.). <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.5.2220>
3. Addis, S., Snowden, L. (2023). What works to prevent violence against women, domestic abuse and sexual violence (VAWDASV)? A systematic evidence assessment. *Journal of Community Safety and Well-Being*, 8(2), 75—84. <https://doi.org/10.35502/jcswb.318>

4. Agadullina, E., Lovakov, A., Balezina, M., Gulevich, O.A. (2022). Ambivalent sexism and violence toward women: A meta-analysis. *European Journal of Social Psychology*, 52(5—6), 819—859. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2855>
5. Antmen, D. (2023). Explaining the justification of violence against women based on the system justification theory. *Nesne-Psikoloji Dergisi*, 11(29), 504—518. <https://doi.org/10.7816/nesne-11-29-10>
6. Bareket, O., Fiske, S.T. (2023). A systematic review of the ambivalent sexism literature: Hostile sexism protects men's power; benevolent sexism guards traditional gender roles. *Psychological Bulletin*, 149(11—12), 637—698. <https://doi.org/10.1037/bul0000400>
7. Bonilla-Algovia, E., Pana, A.G., Carrasco Carpio, C. (2024). Design and validation of the gender-based violence stereotypical beliefs scale. *Behavioral Sciences*, 14(11), Article 1093. <https://doi.org/10.3390/bs14111093>
8. Brunton, R., Shin, M. (2024). Further psychometric examination of the Intimate Partner Violence Internalized Stigma Scale (IPVIS; Brunton & Harris, 2023): Examining criterion-related validity. *Acta Psychologica*, 251, Article 104576. <https://doi.org/10.1016/j.actpsy.2024.104576>
9. Cesur, R., Sabia, J.J. (2016). When war comes home: The effect of combat service on domestic violence. *Review of Economics and Statistics*, 98(2), 209—225. https://doi.org/10.1162/REST_a_00541
10. Cinquegrana, V., Marini, M., Galdi, S. (2023). Psychological abuse is not a problem! Exploring the role of domestic violence myths in psychological revictimization. *Frontiers in psychology*, 14, Article 1228822. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1228822>
11. Fernandez, D., Montague, A., Dinh, J., Clare, C.A., Velasquez, G., Martorell, G.M.M. (2021). Risk factors for male perpetration of intimate partner violence: A review. *Aggression and violent behavior*, 56, Article 101532. <https://doi.org/10.1016/j.avb.2020.101532>
12. Flood, M., Pease, B. (2009). Factors influencing attitudes to violence against women. *Trauma, Violence, & Abuse*, 10(2), 125—142. <https://doi.org/10.1177/1524838009334131>
13. Galdo-Castieiras, J.A., Hernandez-Morante, J.J., Morales-Moreno, I., Echevarra-Prez, P. (2023). Educational intervention to decrease justification of adolescent dating violence: A comparative quasi-experimental study. *Healthcare*, 11(8), Article 1156. <https://doi.org/10.3390/healthcare11081156>
14. Golovko, L., Shynkaruk, N., Yara, O., Uliutina, O., Halai, V. (2023). Peculiarities of judicial consideration of causes related to domestic violence: Comparative analysis. *Cuestiones Politicas*, 41(76), 512—527. <https://doi.org/10.46398/cuestpol.4176.30>
15. Gracia, E., Lila, M., Santirso, F.A. (2020). Attitudes toward intimate partner violence against women in the European Union: A systematic review. *European Psychologist*, 25(2), 104—121. <https://doi.org/10.1027/1016-9040/a000392>
16. Gram, L., Kanougiya, S., Daruwalla, N., Osrin, D. (2020). Measuring the psychological drivers of participation in collective action to address violence against women in Mumbai, India. *Wellcome open research*, 5, Article 22. <https://doi.org/10.12688/wellcomeopenres.15707.2>
17. Grose, R.G., Chen, J.S., Roof, K.A., Rachel, S., Yount, K.M. (2021). Sexual and reproductive health outcomes of violence against women and girls in lower-income countries: a review of reviews. *The Journal of Sex Research*, 58(1), 1—20. <https://doi.org/10.1080/00224499.2019.1707466>
18. Htun, M., Jensenius, F.R. (2022). Expressive power of anti-violence legislation: Changes in social norms on violence against women in Mexico. *World Politics*, 74(1), 1—36. <https://doi.org/10.1017/S0043887121000186>
19. Levy, R., Mattsson, M. (2023). The effects of social movements: Evidence from# MeToo. *SSRN*, Preprint 3496903. <http://doi.org/10.2139/ssrn.3496903>
20. Martín-Fernández, M., Gracia, E., Lila, M. (2022a). A short measure of acceptability of intimate partner violence against women: Development and validation of the A-IPVAW-8 Scale. *Assessment*, 29(5), 896—908. <https://doi.org/10.1177/10731911211000110>
21. Martín-Fernández, M., Gracia, E., Lila, M. (2022b). Measuring perceived severity of intimate partner violence against women (IPVAW) among the general population and IPVAW offenders. *Psychosocial Intervention*, 31(2), 109—119. <https://doi.org/10.5093/pi2022a8>
22. Murvartian, L., Saavedra-Macas, F.J., Garca-Jimnez, M. (2025). The relationship between gender, training, experience and acceptance of myths about intimate partner violence against women and willingness to intervene among university students in Spain. *Journal of School Violence*, 24(1), 95—108. <https://doi.org/10.1080/15388220.2024.2393151>
23. Negessa, E.H., Joseph, S.A., Kitaba, K.A., Negesa, M.G. (2023). Effectiveness of training program on improving health care providers' readiness for managing domestic violence in Jimma Medical Center: Pre-experimental study. *International journal of women's health*, 15, 71—77. <https://doi.org/10.2147/IJWH.S389433>
24. Pagliaro, S., Pacilli, M.G., Giannella, V.A., Giovannelli, I., Spaccatini, F., Baldry, A.C. (2021). Legitimizing intimate partner violence: Moral evaluations, attribution of responsibility, and (reduced) helping intentions. *Journal of interpersonal violence*, 36(5—6), 2929—2941. <https://doi.org/10.1177/0886260518760611>
25. Perry, L.R., Moorhouse, T.P., Jacobsen, K., Loveridge, A.J., Macdonald, D.W. (2022). More than a feeling: Cognitive beliefs and positive—but not negative—affect predict overall attitudes toward predators. *Conservation Science and Practice*, 4(2), Article e584. <https://doi.org/10.1111/csp2.584>

26. Satyen, L., Hansen, A., Green, J.L., Zark, L. (2022). The effectiveness of culturally specific male domestic violence offender intervention programs on behavior changes and mental health: A systematic review. *International journal of environmental research and public health*, 19(22), Article 15180. <https://doi.org/10.3390/ijerph192215180>
27. Semukhina, O. (2020). The decriminalization of domestic violence in Russia. *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, 28(1), 15—45. <https://muse.jhu.edu/article/747823>
28. Serrano-Montilla, C., Lozano, L.M., Bender, M., Padilla, J.L. (2020). Individual and societal risk factors of attitudes justifying intimate partner violence against women: A multilevel cross-sectional study. *BMJ open*, 10, Article e037993. <https://doi.org/10.1136/bmjopen-2020-037993>
29. Sheng, X., Youde, A., Bryan, H. (2023). How do adolescents perceive intimate partner violence and its associated issues? *International journal of health promotion and education*. <https://doi.org/10.1080/14635240.2023.2214532>
30. UNODC. (2023). *Gender-related killings of women and girls (femicide/feminicide): Global estimates of female intimate partner/family-related homicides in 2022*. Vienna: United Nations Office on Drugs and Crime. URL: <https://www.unwomen.org/sites/default/files/2023-11/gender-related-killings-of-women-and-girls-femicide-feminicide-global-estimates-2022-en.pdf> (viewed: 11.11.2025).
31. UN Women. (2023). *Progress on the sustainable development goals: The gender snapshot 2023*. New York: UN Women. URL: <https://bit.ly/gender-snapshot-2023> (viewed: 11.11.2025).
32. Vall, B., López-i-Martín, X., Grané Morcillo, J., Hester, M. (2024). A systematic review of the quality of perpetrator programs' outcome studies: Toward a new model of outcome measurement. *Trauma, Violence, & Abuse*, 25(3), 1985—1997. <https://doi.org/10.1177/15248380231203718>
33. Villagrán, A.M., Santirso, F.A., Lila, M., Gracia, E. (2024). Attitudes toward intimate partner violence against women in Latin America: A systematic review. *Trauma, Violence, & Abuse*, 25(3), 2065—2077. <https://doi.org/10.1177/15248380231205825>
34. Webster, K., Ward, A., Diemer, K., Flood, M., Honey, N., Morgan, J., Politoff, V., Powell, A., Stubbs, J. (2021). How are gender inequality and violence against women related? Findings from a populationlevel community attitudes survey. *Australian Journal of Social Issues*, 56(3), 374—392. <https://doi.org/10.1002/ajs4.158>

Информация об авторе

Ананьева Ольга Алексеевна, младший научный сотрудник научно-учебной лаборатории психологии социального неравенства, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8696-6935>, e-mail: oananyeva@hse.ru

Information about the author

Olga A. Ananyeva, junior research fellow, Laboratory for Psychology of National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8696-6935>, e-mail: oananyeva@hse.ru

Поступила в редакцию 08.11.2024

Received 2024.11.08

Поступила после рецензирования 07.12.2025

Revised 2025.12.07

Принята к публикации 19.07.2025

Accepted 2025.07.19

Опубликована 30.12.2025

Published 2025.12.30